

Научная статья

УДК 267+271

DOI: 10.25803/26587599_2023_45_61

Е. Г. Парфенова

Вклад игуменьи Екатерины (Ефимовской) в возрождение чина диаконисс в России

**Парфенова Евгения Георгиевна, независимый исследователь, Екатеринбург,
Россия, parfenos5@gmail.com**

аннотация: Статья посвящена как основным идеям, так и практическим шагам по возрождению древнего чина диаконисс, предпринятым игум. Екатериной (Ефимовской), настоятельницей Леснинского Свято-Богородицкого женского монастыря в России в конце XIX — начале XX в. Рассмотрены основные этапы становления общественно-церковного служения графини Е. Б. Ефимовской и предпосылки принятия ею монашеского пострига; предложен анализ церковной дискуссии по вопросу «нового монашества», которая помогла обоснованию миссионерско-просветительской и социальной деятельности Леснинского монастыря, официально созданного в 1889 г. Впервые в полном объеме публикуется текст докладной записки игум. Екатерины, представленной в 1905 г. в Святейший синод, с предложениями по возрождению института диаконисс в России и созданию общины и училища диаконисс на базе Леснинского монастыря. В статье рассмотрена церковная рецепция этих предложений, которая в целом носила положительный характер, но не привела к принятию официального решения о создании института диаконисс в Православной российской церкви. При этом деятельность сестер Леснинского монастыря была продолжена. Автором проанализированы особенности аскетической практики, богослужебной жизни, образовательной и воспитательной деятельности сестер Леснинского монастыря, учитывающие образ служения диаконисс.

© Парфенова Е. Г., 2023

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история церкви, Православная российская церковь, Холмско-Варшавская епархия, Леснинский Свято-Богородицкий женский монастырь, диакониссы, русское монашество, женский социальный активизм, новое монашество, народное образование, религиозное воспитание детей, игум. Екатерина (Ефимовская)

для цитирования: Парфенова Е. Г. Вклад игуменьи Екатерины (Ефимовской) в возрождение чина диаконисс в России // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 45. С. 61–90. DOI: 10.25803/26587599_2023_45_61.

E. G. Parfenova

Contribution of Abbess Ekaterina (Efimovskaya) to the Revival of the Deaconesses Order in Russia

Parfyonova Eugenia Georgiyevna, Independent researcher, Ekaterinburg, Russia, parfenos5@gmail.com

ABSTRACT: The article deals with the main concepts, ideas and practical measures for the revival of the ancient order of deaconesses in Russia in the late 19th — early 20th centuries taken by the abbess Ekaterina (Efimovskaya), the prioress of the Lesninsky Holy Mother of God Monastery. The author presents the main stages of the formation of the public and church service of Countess E. B. Efimovskaya and the prerequisites for her taking monastic vows. The author analyzes the church debate on “new monasticism”, which served as a justification for the missionary, educational and social activities of the Lesninsky Monastery, which was officially established in 1859. The memorandum by the abbess Ekaterina presented to the Holy Synod in 1905 is published in full for the first time. It contained proposals for the revival of the institute of deaconesses in Russia as well as the establishment of a community and a school of deaconesses on the basis of the Lesninsky monastery. The article considers the reception of these proposals by the church, which was positive in general, but was not followed by the official decision to establish the institute of deaconesses. However, the lack of the decision did not prevent Lesninsky Monastery sisters from continuing their activities. The author analyzes the features of ascetic practice and liturgical life, as well as the education policy and the principles of children upbringing in the monastery arranged according to the deaconesses service.

KEYWORDS: Church history, Orthodox Russian Church, Kholm-Warsaw diocese, Lesninsky Holy Mother of God Monastery, deaconesses, Russian monasticism, women’s social activism, new monasticism, public education, religious education of children, Abbess Ekaterina (Efimovskaya)

FOR CITATION: Parfenova E. G. (2023). "Contribution of Abbess Ekaterina (Efimovskaya) to the Revival of the Deaconesses Order in Russia". *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, 2023, iss. 45, pp. 61–90. DOI: 10.25803/26587599_2023_45_61.

Вехи биографии

Графиня Евгения Борисовна Ефимовская родилась 28 августа 1850 г. в Смоленске в семье графа Бориса Андреевича Ефимовского и Александры Ивановны, урожденной княжны Хилковой из рода Рюриковичей. Церковной деятельности игум. Екатерины предшествовала 13-тилетня педагогическая практика в различных светских и церковных учебных заведениях, которая позволила ей сформировать собственные подходы и принципы в деле воспитания и образования детей. Особое значение для ее личного становления имело общение с кругом славянофилов, которые внушили ей глубокую любовь к своему народу [Тареев, 55]. Примером народного просвещения, основанного на евангельских началах, для Ефимовской стала школа С. А. Рачинского, в которой ей тоже довелось работать.

Личные испытания и внутренние кризисы, которые переживала Евгения Борисовна, привели ее к осознанию глубинной проблемы русской действительности — разрыва между религиозностью простого народа и культурными ценностями интеллигенции. Желание разрешить эту проблему, соединив религию и культуру во благо русского народа, стало движущим мотивом всей ее деятельности.

Изучение русской истории и разнообразная педагогическая практика приводят Евгению Борисовну к убеждению, что центрами народного образования, культурного и религиозного просвещения в России должны стать монастыри. Поэтому для реализации своих идей она выбирает монашеский путь, трезво осознавая при этом все негативные стороны современного монашества. В ее сознании монастырь должен был стать связующим звеном между церковью и народом.

Постригу графини Ефимовской предшествовала разработка ключевых идей и направлений деятельности Леснинского монастыря, расположенного в посаде Лесна Седлецкой губернии (земли Холмщины и Южного Подляшья), который изначально был сориентирован на деятельное служение людям в Холмском крае и

имел широкие образовательные и просветительские задачи. На свой замысел она получает благословение старца Оптиной пустыни Амвросия (Гренкова), а также поддержку правящего архиерея — епископа Холмского и Варшавского Леонтия (Лебединского) и прот. Иоанна (Сергиева) Кронштадтского.

Летом 1889 г. Евгения Борисовна Ефимовская приняла монашеский постриг с именем Екатерины, а 4 сентября 1889 г. по указу Святейшего синода была назначена настоятельницей Леснинского монастыря с возведением в сан игуменьи (рис. 1, 3, 4).

За 15 лет своей деятельности монастырь стал не только обширным экономико-хозяйственным комплексом, но и культурно-просветительским центром края (рис. 2). В воспитательных и образовательных учреждениях монастыря находилось в разные годы до 700 воспитанников и учащихся [Зернова, 80]. При монастыре существовала целая система образовательных учреждений — от начальных до среднепрофессиональных.

В посаде Лесна монастырь просуществовал до 1915 г., когда в связи с военными действиями около 300 сестер Леснинского монастыря во главе с игуменьями Екатериной (Ефимовской) и Ниной (Косаковской) эвакуировались в Петроград. Остальные сестры и духовенство уехали с приютскими детьми в Понетаевский монастырь Нижегородской губернии, а также в Тверскую губернию. В это время Е. Б. Ефимовской ампутировали обоженную в юности ногу. 17 августа 1917 г. игум. Екатерина с несколькими сестрами выехала из Петрограда в Жабский монастырь в Бессарабии, чуть ранее в этот же монастырь отбыла матушка Нина с частью сестер. В 1920 г. матушки Екатерина и Нина посетили в Белграде принца-регента Королевства сербов, хорватов и словенцев Александра Карагеоргиевича. По его приглашению около 70 леснинских монахинь во главе с игуменьями Екатериной и Ниной поселились в монастыре Кувеждин на Фрушской горе, чуть позднее в Хоповском монастыре. В сентябре 1925 г. в Хоповском монастыре состоялся Третий съезд Русского христианского студенческого движения под руководством митр. Антония (Храповицкого). 18 октября 1925 г. матушка Екатерина скончалась. Погребена она на кладбище в ограде монастыря у стен церкви [Клементьев, 194].

Попытки восстановления чина диаконисс в России в XIX веке

Намерение игум. Екатерины возродить древнее служение диаконисс возникло в определенных исторических условиях. Необходимость возобновления чина диаконисс и институализации этого служения была во многом продиктована резко возросшей, начиная со 2-й трети XIX в., религиозной активностью женщин, которая получила в ряде работ название «феминизация религии» [Белякова, Шок, 3]. В это время женщины активно стали проявлять себя в различных сферах общественной и профессиональной деятельности — медицине, социальной работе, педагогике, благотворительности, просвещении и т. д. Это стало следствием, с одной стороны, возросшей потребности женщин в образовании, с другой — появлением новых возможностей для их социальной адаптации.

Вопрос о восстановлении в России чина диаконисс впервые был поднят в 30-е гг. XIX в. знаменитым алтайским миссионером архим. Макарием (Глухаревым), который во время своей длительной миссионерской практики осознал необходимость участия женщин в делах миссии, распространявшихся на женское население Алтая: в приготовлении ко крещению и руководстве новокрещеными, помощи больным и др. [Постернак, 445]. Несмотря на отказ Николая I и Синода, архим. Макарию удалось на практике начать восстановление древнего чина. Как отмечает в своем исследовании С. В. Троицкий, в 1838 г. в деревне Майме поселилась Прасковья Матвеевна Ландышева, мачеха сотрудника миссии С. П. Ландышева, и на нее были возложены обязанности диакониссы [Троицкий, 309]. Через несколько лет к ней присоединилась девица София Густавовна де Вальмон. В круг ее обязанностей входили помощь больным; распространение среди девиц, вдов и замужних женщин познания евангельских истин; чтение оглашаемым и новокрещеным женщинам краткого изложения учения христианской веры, написанного на татарском языке; приучение их к молитве и труду; обучение девочек грамоте, церковным гимнам и духовным песням; помощь о. Макарию в переписке сделанного им перевода Библии [Троицкий, 311].

Были и другие женщины, которых архим. Макарий называл диакониссами. Усилия архим. Макария оказали влияние на митр. Филарета (Дроздова), с которым он состоял в переписке по вопросу поставления диаконисс в Алтайскую миссию.

Митр. Филарет пошел далее — в 1840 г. он посвятил настоятельницу Спасо-Богородицкого монастыря Марию (Маргариту Михайловну Тучкову) в сан игуменьи по чину диаконисс с возглашением слов «повели», «повелите» и «аксиос» трижды [Троицкий, 312].

Женское служение оказалось востребованным и в церковной жизни столицы, хотя в ней не было особых условий миссионерской работы. Так, известный петербургский священник Александр Гумилевский предпринял попытку учредить чин диаконисс для приходского служения. В 1863 г. он основал приют для больных, престарелых и малолетних нищих, одним из отделений которого стала община сестер, служивших по примеру древних диаконисс: одни трудились в приюте, занимаясь обучением детей и работая на кухне, другие посещали квартиры бедных и ходили по больницам [Постернак, Баконина, 5–6]. Но в 1866 г. о. Александр был перемещен в Нарву, а в 1867 г. — в Обуховскую больницу, где заразился тифом и скончался, и община прекратила существование [Белякова, 446].

Еще один прецедент служения диаконисс был связан с просветительской деятельностью. Как писал в «Церковных ведомостях» прот. Феодор Знаменский, в 1900 г. идея древних диаконисс воскресла в измененном виде в учрежденном при Санкт-Петербургском обществе религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви —

религиозно-просветительном союзе интеллигентных лиц женского пола, принявших на себя труд, под непосредственным наблюдением и руководством известного столичного деятеля по благотворению протоиерея К. И. Ветвеницкого [Знаменский, 898].

Женщины занимались чтением Священного писания, творений святых отцов, житий святых и другой духовной литературы для больных в клиниках, лечебницах и больницах, для заключенных в тюрьмах, для призываемых в богадельнях, а также в домах трудолюбия, в арестных полицейских домах, ночлежных приютах и тому подобных учреждениях. По сведениям Знаменского, в 1905 г. таких чтниц было 90, а чтения производились в 19-ти местах Петербурга [Знаменский, 898].

С середины XIX в. в России стали появляться общины сестер милосердия, как правило, находившиеся под покровительством знатных женщин, которые были хорошо знакомы с западноевропейским опытом подобных общин. Сама жизнь общин носила полумонашеский характер. В дальнейшем общины сестер милосердия

создавались по образцу открытой в 1844 г. Свято-Троицкой общины сестер милосердия [*Справочник*, 69], имели настоятельниц, жили фактически по монашескому уставу. От монастырских общин они отличались тем, что сестры могли покинуть общину, владеть собственным имуществом и вступать в брак. Как отмечают исследователи, отличительной чертой этих общин была социальная направленность сестринской, акушерской и фельдшерской помощи, которая в первую очередь предназначалась для бедных больных, беременных, новорожденных, детей, стариков, немощных и раненых. Кроме того, сестры милосердия оказывали помощь пострадавшим от войн, стихийных бедствий, эпидемий. Предоставлялось все, что может быть названо современным термином «социальная реабилитация и адаптация» [*Белякова, Емченко*, 333].

Развитие социального служения женских обителей, общин сестер милосердия и мирянок на приходах, а также миссионерской активности и необходимость поиска соответствующего церковного статуса этого служения спровоцировали рост исследований по истории диакоניсс. Этому способствовала активизация женских религиозных общин в Европе. Например, в Дармштадте, в резиденции великих герцогов Гессенских, в 1858 г. бабкой (по линии отца) великой княгини Елизаветы Федоровны был основан протестантский Елизаветинский диаконический орден [*Постернак, Иноземцева, Козловцева*, 449]. В церковной прессе можно было встретить немало статей на темы женского церковного служения [*Белякова*, 428], в том числе в связи с возобновлением в XIX в. служения диаконисс в лютеранской и англиканской церквях. Появился целый ряд зарубежных монографий [*Постернак, Баконина*, 15–16, 18].

Церковная дискуссия о новом монашестве

Не менее важной предпосылкой для возрождения чина диаконисс в Леснинском монастыре становится широко развернувшаяся в 1902–1904 гг. на страницах церковной прессы дискуссия по вопросу «нового монашества». Инициаторами дискуссии и ее активными участниками стали церковный писатель и публицист Е. Н. Поселянин, журналист и издатель А. В. Круглов, епископ Серпуховской Никон (Рождественский), профессор Московской духовной академии А. А. Спасский и др. Полемика развернулась вокруг вопроса о том, что является приоритетом монашеского делания в современных условиях: служба миру, забота о народе или достижение идеалов созерцательно-аскетической жизни?

На протяжении нескольких лет еп. Никон отстаивал свою позицию о невозможности сделать деятельное служение центром жизни монастырей, оставив молитву и созерцание лишь «поделием», поэтому Леснинскую и Вировскую обители он не считал настоящими монастырями. При этом именно еп. Никон пришел к выводу о необходимости восстановления в церкви древнего института диаконов и диаконисс в виде общин диаконисс и братьев милосердия, что могло бы стать достойной альтернативой монашеского служения.

Свое мнение об общественном служении монахов и современной аскетической практике игум. Екатерина высказала в статье «Монастырь и христианский аскетизм» (1904 г.), которая продолжила полемику, развернувшуюся между Кругловым и еп. Никоном (Рождественским) по вопросу нового монашества. Статья вызвала широкий резонанс как в консервативных, так и в либеральных церковных кругах. История ее публикации связана со священником Константином Аггеевым и кругом «32-х» петербургских священников, с которыми игум. Екатерина была в единомысленных, дружеских отношениях. Из переписки священника Константина Аггеева и П. П. Кудрявцева известно, что статья была написана задолго до публикации, «но не могла быть помещена как очень либеральная», в ней доставалось и псевдо-аскетизму, и «светскому» монашеству [Балакшина, 285]. Игуменья Екатерина отдала ее в полное распоряжение Аггеева, она была прочитана в узком кругу единомышленников, среди которых был священник Александр Рождественский, редактор «Церковного вестника». Рукопись была напечатана частями и, по словам Аггеева, «заварила кашу» [Балакшина, 290].

В статье «Монастырь и христианский аскетизм» игум. Екатерина фактически обосновала дело Леснинского монастыря и сформулировала ключевые идеи современного монашества. Цель современного монашества, по ее убеждению, — служить народу, быть его наставником и руководителем:

...Монашество надеется снова сослужить службу русскому народу, пробуждающемуся к сознательной жизни и жаждущему духовного просвещения, того истинного просвещения, которое может дать только Церковь [Монастырь и христианский аскетизм, 14–15].

Смысл монашеского делания игум. Екатерина видела в первую очередь в общественном служении:

...Правильно понятое монашество не только представляет... наилучшую сферу для развития богословской мысли, но есть, несомненно, та именно форма жизни, которая может наиболее приспособить человека к общественной деятельности во всех ее отраслях, где нужен бескорыстный, самоотверженный труд [*Монастырь и христианский аскетизм*, 8–9].

Такой труд, как считала игум. Екатерина, может стать для монаха по-настоящему исцеляющим: «Только в сфере этого служения и возможна борьба с самим собою, своими греховными страстями, преодоление своего узкого эгоизма, самолюбия, „барства“ и всех упоминаемых тобою страстей и пороков» [*Ответ на письмо Свенцицкому*, 385]. А монастырь как традиционная форма русской народной церковной жизни может и должен вновь стать силой, объединяющей народ и интеллигенцию, средоточием богословской мысли и живого евангельского дела служения миру в самых современных формах образования, медицины и религиозно-культурного просвещения.

Докладная записка в Святейший синод (1905 г.)

Нарастающий государственный кризис, в том числе революционные события 1905 г., подвигли игум. Екатерину обдумать предложения по восполнению миссионерских кадров в Русской церкви. Она предлагает целый ряд инициатив, связанных с восстановлением древнего чина диаконисс, которых в печати называли «забытой силой церкви» [*Докладная записка*, 1 об]. Игум. Екатерина (Ефимовская) понимала, что требуется какой-то новый, незамедлительный и качественный шаг в деле подготовки женщин-миссионерок, способных делом и словом доносить евангельские истины и разделять жизнь как с выходцами из простой крестьянской среды, так и с интеллигенцией. Это потребовало осмысления уже известных исторических путей устройства женского служения в России и обновления форм деятельности Леснинского монастыря.

Руководствуясь в том числе предложением еп. Никона о создании общины диаконисс, игум. Екатерина в 1905 г. представляет в Синод докладную записку с предложениями о создании училища и общины диаконисс при Леснинском монастыре с возможностью их дальнейшего служения по всей России (приложение, рис. 5). Также планировалось дать девушкам и женщинам богословское и медицинское образование, практические навыки служения

в общине диаконисс при монастыре. Предполагалось, что новая институция будет более прогрессивной, мобильной, лично ориентированной в вопросах аскетики и образования по сравнению с традиционным монастырским укладом. Служение диаконисс, прежде всего, было нацелено на помощь ближним, культурное и христианское просвещение. Такое служение имело перспективу привлечения в церковь интеллигенции с ее ценностями культуры, науки и потенциалом активного социального действия.

Игуменья Екатерина возлагала надежду на то, что многие девушки и женщины откликнутся и, приняв обеты диаконисс, смогут добровольно и ответственно послужить в деле просвещения русского народа в условиях нарастающей антиправославной и революционной пропаганды, а также смогут оказать деятельную помощь в удовлетворении социальных нужд и в христианском утешении всех нуждающихся. Она отмечала, что у женщин-миссионерок есть свои преимущества: умение привлечь матерей, что дает возможность влиять на воспитание детей с самого раннего возраста и придавать ему религиозно-нравственное направление; ограничение в материальных требованиях; желание беззаветно отдать себя на служение ближним [*Докладная записка, 2*].

Основной целью восстановления в церкви древнего чина диаконисс для игум. Екатерины было возвращение к христианскому идеалу служения, который был сильно искажен в современных монастырях вследствие их «узко-эгоистичной направленности и невежества, выдаваемого за смирение» [*Диакониссы первых веков христианства, 45*]. Она была уверена в своих силах начать новое церковное дело, так как имела за плечами двадцатилетний успешный опыт жизни Леснинского монастыря.

Церковная рецепция предложений игуменьи Екатерины по восстановлению чина диаконисс

Записка игум. Екатерины была передана из Святейшего синода в Предсоборное присутствие вместе с отзывом архиепископа Холмского Евлогия (Георгиевского), в котором он отметил, что нет оснований отрицать существование института диаконисс, но его восстановление требует особой осмотрительности, поэтому высказался за восстановление служения, а не чина диаконисс.

Предложения игум. Екатерины были рассмотрены в декабре 1906 г. в четвертом отделе Предсоборного присутствия. Этому предшествовали заседания 20 и 21 марта 1906 г., в ходе которых были

представлены отзывы епархиальных архиереев по вопросу о восстановлении древнего церковного института диаконисс и было принято положительное решение о желательности восстановления чина диаконисс, в особенности в тех приходах, где существовали женские благотворительные кружки [Троицкий, 325]. 20 апреля 1906 г. был заслушан доклад прот. А. П. Мальцева «О внутренней миссии за границей, в том числе диакониссах как одном из органов этой миссии». 7 июня был рассмотрен проект «Правил жизни и деятельности православных диаконисс», составленный прот. Феодором Успенским, предусматривающий служение диаконисс в храме (поддержание чистоты), помощь в причащении младенцев и женщин, а также в подготовке женщин к крещению и во время крещения, «попечение о научении неведающих христиан», призрение сирот увечных воинов и пр. [Троицкий, 325]. Проект был одобрен и постановлением приложен к нормальному уставу православных приходов.

Обсуждение предложений игум. Екатерины в четвертом отделе Предсоборного присутствия вызвало разную реакцию. Так, прот. Феодор Успенский высказался против «пришлых» диаконисс, отдав предпочтение «своим, урожденным, приходским при своем храме, родной деревне» [Белякова, 453], при этом посчитал полезной подготовку диаконисс в таких монастырях, как Леснинский. Опасение по поводу прихода чуждых диаконисс высказал также прот. А. С. Лебедев, настоятель Вознесенской церкви в Санкт-Петербурге. Поддержал проект игум. Екатерины Н. Д. Кузнецов:

Необходим рассадник для их надлежащего приготовления. На месте часто нет даже элементов, из коих можно бы подготовить диаконисс, нет и руководителей, людей знающих, умеющих подготовить опытных диаконисс. Таким рассадником и могла быть специальная школа при Леснинском женском монастыре [Журналы и протоколы, 85].

Обращает на себя внимание тот факт, что в ходе обсуждения в целом была дана положительная оценка предпринятых игум. Екатериной действий по возрождению института диаконисс, но в итоге отдел решил не изменять составленные прот. Феодором Успенским правила, а записку присоединить к делу.

Обсуждение предложений игум. Екатерины в Предсоборном присутствии о создании училища и общины диаконисс при Леснинском монастыре имело продолжение. В 1908 г. на страницах «Церковного вестника» сельский священник Владимир Успенский, называя диаконисс «сестрами просвещения», замечает, что для сельских

приходов значение первой же важности имеет другое служение — «сестер милосердия», подразумевая под этим оказание всесторонней медицинской помощи населению [*Успенский, 331*]. Игуменья Екатерина, отвечая священнику Владимиру Успенскому, поясняет, что, настаивая на учреждении при Леснинском монастыре школы диаконисс с богословским курсом, она не имела в виду подготовку их к миссионерской просветительской деятельности среди сельского населения, для которого курса Закона Божия по программе народной школы было вполне достаточно. Приоритетом она считала миссионерскую деятельность среди «образованного класса» [*О диакониссах, 729*]. Но понимая, что введение образовательного ценза для сестер оказалось главным затруднением для принятия ее ходатайства, готова отказаться от этого условия, выбирая главное:

Мы хорошо знаем, что образовательный ценз или диплом часто прикрывает полнейшее невежество, и наоборот. Пусть Леснинские диакониссы никого не оскорбляют своими учеными правами. Монастырь постарается приспособить их к предстоящей им деятельности.

Пусть только Церковь примет их обеты и чрез епископское рукоположение благословит их на служение Богу и родине. Ничего другого мы не ищем [*О диакониссах, 729*].

Идея диаконского служения для женщин не оставляла игум. Екатерину и в последующие годы, в 1909 г. была издана ее брошюра «Диакониссы первых веков христианства», в которой она обращается к русским женщинам с призывом пойти в приходы и оказать пастырям помощь в деле просвещения:

Вставай же, русская женщина, — время настало, стряхни с себя бремя века сего, возьми крест Христов и пойдем по родной нашей земле-матушке. Зовет тебя вопль истрадавшего сердца народного, призывает тебя пастырство православное, выбившееся из сил в борьбе с упорным и бесстыдным врагом. Загляни, самоотверженная, в приход любого города, любого села, послушай слово одинокого пастыря, напрасно борющегося с гулом непокорной толпы, разнеси это слово по углам медвежьим, где царит тьма беспросветная [*Диакониссы первых веков христианства, 49*].

При этом игум. Екатерина отказалась от идеи готовить монахинь в качестве диаконисс, так как, по ее мнению, они дискредитировали себя эгоизмом внутреннего делания, препятствующего общественному служению. Вторым существенным препятствием

она считала необразованность и непросвещенность монахов: «Предрассудок и суеверие — вот та роковая канва, по которой вышиваются известные сочинители узор в темноте наших медвежьих углов» [*Диакониссы первых веков христианства*, 47]. В очередной раз она обращается к примеру древнего монашества, когда «каждый образованный член братства был вкладом, драгоценным вкладом в сокровищницу обители, из которой черпал воду живую весь жаждущий разумения истины мир» [*Диакониссы первых веков христианства*, 46].

К идеалам первохристианской жизни, помимо образованности и просвещенности, игум. Екатерина относилась особого рода духовное единство: «Основною чертою жизни первых христиан была тесная духовная связь членов общества верующих, пастырей и паствы между собою» [*Диакониссы первых веков христианства*, 1]. Она считала, что без этого объединения усилий невозможно духовное просвещение русского народа:

Кто пойдет во все эти углы...? Кто способен на это великое, всеобъемлющее дело? Добрые, светлые русские женщины, если они сознательно, корпоративно соединятся в одно духовно просветительское христианское общество — в союз любви и веры во Христе Иисусе [*Диакониссы первых веков христианства*, 48].

Задача сплочения народа стоит и перед духовенством, помощь которому в этом деле могут оказать диакониссы:

Знают они, что пастырям и святителям нашим уже не под силу становится борьба со стихийным, охватившим страну течением, которое, ничего на пути не разбирая, губит «свою же подмогу». Знают они, что пастырям надо помочь сплотить души народные в одно общее Христово стадо для спасения веры православной и родной страны [*Диакониссы первых веков христианства*, 49].

Таким образом, игум. Екатерина воспринимает дело восстановления служения диаконисс в России как возвращение к христианской норме жизни, к изначальному идеалу первых веков христианства: «В чем же должно заключаться покаяние наше? В том, чтобы нам восстановить, умолив Господа о прощении, древне-христианскую жизнь во всей ее небесной красоте и чистоте» [*Диакониссы первых веков христианства*, 49]. К этому она направляет свои практические усилия, пытаясь воплотить этот идеал в деятельности вверенного ей Леснинского монастыря.

Устроение жизни сестер Леснинского монастыря по образу древних диаконисс

Основываясь на положительном отклике части духовенства во время обсуждения вопроса в Предсоборном присутствии и на страницах церковной прессы, игум. Екатерина продолжила свою деятельность в Леснинском монастыре, не отступаясь от главного — евангельской заповеди о любви к Богу и ближнему.

Формы церковного служения в Леснинском монастыре были вполне традиционными для монастырей конца XIX — начала XX в., новыми же стали приоритеты его деятельности, определяемые во всем идеей общественного служения. Целью поступления новых девушек и женщин в монастырь был не монашеский постриг, а подготовка к добровольному служению ближнему. Взятые на воспитание девочки, подрастая, могли самостоятельно выбирать дальнейший путь жизни: выходить замуж, возвращаться в свои семьи, становиться учительницами в школах своего края или уезжать в другие губернии.

Особым попечением сестер монастыря была врачебная помощь, помощь в решении житейских вопросов и забота о заключенных. Так, монастырская больница принимала в год несколько тысяч сторонних амбулаторных больных; бесплатно выдавала лекарства; в лазарете было до 60-ти постоянных кроватей. В пасхальные праздники сестры навещали заключенных в тюрьме г. Холм, а игум. Екатерина вручала подарки и с каждым лично беседовала.

Все это диктовало и свои подходы к аскетике. Мера поста в Леснинском монастыре определялась способностью в здоровом состоянии осуществлять свое служение, в приоритете была не жертва самоограничения, а жертва сил и христианского общения на благо людей. При этом игум. Екатерина к себе была строга, выполняла любую, самую тяжелую физическую работу, не навязывая это другим, но становясь для сестер примером жертвенного служения. Игуменья Екатерина решительно отвергала идеал «вечно голодного брюха и худых щек» [Олесевиц, 213], считая, что высший аскетизм доступен только избранным. «Живите милые так, как Бог создал, а не уродуйте себя», — говорила игум. Екатерина увлекающимся крайним аскетизмом [Олесевиц, 214]. Она решительно высказывалась против практики откровения помыслов, считала, что

откровение помыслов не только не полезно, но вредно, потому что поощряет и развивает склонность людей сосредоточиваться на мелочах своей душевной жизни и делать себя предметом внимания других, в чем заключается значительная доля помыслов [Отчет, 118].

Игуменья Екатерина не поддерживала «святой эгоизм» внутреннего делания, на котором настаивал епископ Серпуховской Никон как на цели монашеской жизни. Любая аскетическая практика, по ее мнению, имела смысл только в контексте помощи ближнему.

Ты говоришь, что молился, и плакал, и морил себя голодом, и истязал свое тело, и — снова падал. Оттого и падал, что все это делал для себя, ради себя, думая только о себе. О, если бы ты голодал потому, что отдал последний свой кусок голодному брату, или измучил свое тело, облегчая его страдания, думая только об этих его страданиях, забывая о себе, — ты ощутил бы тогда в сердце небесную радость, ибо в тебе был бы Христос.

Только при таких условиях, трудясь самоотверженно среди людей, может человек преодолеть самого себя, побороть свои страсти, свое самоутверждение. Пустыня и одинокая келия отшельника не место для борьбы. Кто уходит туда для борьбы, падает еще ужаснее. Потому-то богомудрые отцы и установили общежитие и запретили юношам искать уединения [Ответ на письмо Свенцицкому, 385].

Богослужения в монастыре, несмотря на большой объем социальной деятельности, совершались строго по монашескому уставу:

День начинается в 3½ часа утра, когда сестры выслушивают полунощницу и утренние молитвы. Затем им читается и объясняется дневное Евангелие и Апостол. Те, которые свободны от послушания, выслушивают утреню и литургию. Вечерня с повечерием также бывают ежедневно. День оканчивается вечерним правилом по обычаю [Фудель, 34].

Келейное правило для сестер составил прп. Амвросий Оптинский, уже имевший опыт устройства в 1884 г. Шамординской женской обители под руководством настоятельницы схимонахини Софии (в миру Софии Михайловны Болотовой).

Молитвенная, богослужебная жизнь Леснинского монастыря, помимо ее внутреннего значения, была во многом сориентирована на решение просветительских и миссионерских задач,

особенно при устройении массовых богослужений на большие церковные праздники — Святой Троицы и Воздвижения Честного Креста Господня (14–27 сентября), явления Леснинской иконы Божьей Матери, когда количество паломников могло достигать 30 тыс. человек [Маевский, 38]. Во время таких богослужений проповеди произносились как на русском языке, так и на местном наречии, а проповедники выбирались из числа лучших ораторов и, по свидетельству очевидцев, вызывали живую реакцию. Готовность послужить ближнему выражалась в устройении храмового пространства и в возможности каждому исповедаться, а также в обеспечении паломников кровом и питанием. Проповедовала и сама игум. Екатерина, особенно в связи с необходимостью защиты православия после печальных последствий введения на Холмщине указа «Об укреплении начал веротерпимости» (1905 г.), чем завоевала благодарный отклик местного населения.

Еще одной составляющей служения диаконисс, по представлению игум. Екатерины, было богословское образование и обретение навыка самостоятельного мышления, что было напрямую связано с миссионерскими, просветительскими задачами Леснинского монастыря. «В леснинских школах хотят достигнуть не только стилистики, но и сознательного отношения к самому себе, к своей психике — будят мысль, будят чувства и направляют волю» [Олесевиц, 182].

Любовь игум. Екатерины к богословию и атмосферу живой мысли отмечает и проф. М. Тареев:

Любит м. Екатерина поговорить и по богословским вопросам. <...> Столь же интересно было беседовать и с м. Ниною и с сестрами, заведующими школой. Все это люди, которые много передумали, — и каждая из них за свою веру готова положить душу. Это создает любопытную атмосферу живых дум, живого дела, которая столь отлична от среды мертвых книг и чужих слов. Здесь думают по-своему, думают свою думу, думают головой и сердцем [Тареев, 71].

Современники, имевшие возможность лично побывать в Леснинском монастыре, отмечали особое единство сестер монастыря, братский дух взаимопонимания, соединявший сестер между собой, с игуменьей и духовенством. Представляет интерес свидетельство прот. Михаила Попова, который с февраля 1890 по июль 1892 г. служил в Леснинском женском монастыре, о том, что монастырь «представляет из себя братскую семью и свершает святое дело братства»

[Попов, 392–393]. Опыт служения, полученный в Лесне, оказался важным для прот. Михаила, который в 1901 г. во время служения в Архангельской епархии создал Воскресенское приходское братство при приходе Воскресенской церкви г. Архангельска.

Опыт Леснинского монастыря не получалось быстро и эффективно распространить по всей России, в том числе по причине сопротивления консервативно настроенных приверженцев «старого» монашества. Но под его влиянием на Холмщине были открыты еще пять монастырей: Вировский, Теолинский, Радчицкий, Красностокский, Турковицкий, в которых трудились воспитанницы игум. Екатерины [Евлогий (Георгиевский), 107].

Деятельность этих монастырей, как и Леснинского, имела настоящему миссионерский, просветительский характер. Сестры не боялись выходить за стены своих обителей, поэтому вокруг возникали приюты, школы, больницы. По свидетельству митр. Евлогия, сестры распространяли свою деятельность и за пределы этих учреждений: «Ходили по деревням — к роженицам, к больным, к старушкам, погребали безродных, оказывали самую разнообразную помощь местному населению» [Евлогий (Георгиевский), 107]. Также встречается упоминание о том, что сестры ходили в соседние деревни не только для лечения больных и оказания помощи, но и с беседами о вере [Попов, 393].

Таким образом, сестры монастыря, по образу первых диако니스с, о которых писала игум. Екатерина, стали заступницами и благовестницами для народа на Холмщине, осуществляя деятельное служение в области воспитания и образования детей и оказания всесторонней социальной помощи местному населению. Основанием такого служения становились не только и не столько монашеские обеты, сколько добровольно принятые на себя обязанности и послушания в соответствии с теми требованиями, которые игум. Екатерина считала необходимыми для духовного служения женщины-христианки вообще и диако니스сы в частности, — воспитание детей, человеколюбивое отношение к людям и усердие ко всякому делу.

Заключение

Деятельность игум. Екатерины (Ефимовской) по возрождению церковного института диако니스с стала продолжением опыта, уже накопленного православной церковью в России, начиная с 30-х гг. XIX в. Почвой для восстановления чина диако니스с стали

не потребности миссионерского стана и прихода, а монастырь как средоточие народной жизни. В понимании Ефимовской служение диаконисс должно было стать альтернативой традиционному монашескому деланию, понимаемому как путь личного спасения, и воплотить концепцию «нового монашества», основанную на общественном служении христиан. Под общественным служением понималось дело милосердной помощи людям в их нуждах (медицина, народное образование, социальные практики и пр.) и христианского просвещения народа. Революционные вызовы начала 1900-х годов обострили необходимость возрождения служения диаконисс, именно поэтому в 1905 г. игум. Екатерина обращается с предложениями по этому вопросу в Святейший синод. В целом рецепция на предложения игум. Екатерины была положительной, но официального утверждения церковного чина диаконисс не произошло. Это не помешало игум. Екатерине продолжить начатое дело и устраивать жизнь Леснинского монастыря так, чтобы сестры несли служение по образу древних диаконисс. Богословское осмысление проблемы женского диаколического служения и практические усилия игум. Екатерины подготовили церковно-общественную почву для дальнейших действий по его возрождению в России.

Докладная записка настоятельницы Леснинского женского монастыря о восстановлении служения и звания диаконисс» представляет собой рукописный текст на 8 листах с оборотами. При публикации документа исправлены мелкие орфографические и пунктуационные ошибки. Подчеркивания в тексте даны курсивом. Сокращения автора раскрыты в угловых скобках. Ссылки на церковные источники оформлены по правилам издания и даны в тексте в круглых скобках после цитаты. Документ находится в Российском государственном историческом архиве (РГИА), г. Санкт-Петербург, Фонд 796 «Канцелярия Синода». В описи канцелярии Синода дело № 340, содержащее представленный документ, получило название «Докладная записка настоятельницы Леснинского монастыря близ гор. Белы Седлецкой губ., об основании при монастыре общины диаконисс для борьбы за укрепление пошатнувшегося авторитета церкви».

Приложение

Докладная записка настоятельницы Леснинского монастыря о восстановлении служения и звания диаконисс

В переживаемый ныне Россией великий государственный кризис, когда все действовавшие до сих пор общественные силы привлекаются к суду истории и каждой отрасли государственной деятельности подводится итог, — призвана к ответу и Русская церковь в лице ее духовных представителей и ее деятельности составляется беспристрастная оценка. Осуждая многое, порицая в особенности косность и бездеятельность клира, лучшие, не утратившие веру люди призывают духовенство к новой усиленной просветительной деятельности, дабы не восторжествовали над ним враждебные церкви социальные элементы. Нужна работа миссионерская, усиленная, горячая, стойкая, терпеливая и не только в среде темного простого народа. Чтобы выполнить свою великую задачу, служители церкви должны снова привлечь в ее лоно интеллигентные силы, которыми движется просвещение и которым подлежит вести народ по пути прогресса.

В истории церкви мы видим, что с самых первых времен христианства женщины призваны были к церковной деятельности в звании диаконисс и пользовались доверием апостолов как их сподвижницы. За последнее время о диакониссах стало упоминаться в печати и на них указано как «на забытую силу церкви», которую желательно было бы снова призвать к жизни. Обширный опыт доказал, что женщина-миссионерка лучше умеет вызвать к себе доверие народа и легче сближается с ним, входя по свойственному ей чувству материнства в мелочи жизни, в скорби и нужды простого народа. К женщинам охотнее и доверчивее идут за медицинской помощью. Уменьше привлечь к себе матерей дает ей возможность влиять на воспитание детей с самого раннего возраста и давать этому воспитанию религиозно-нравственное направление. Наконец женщины большей частью ограниченнее в своих материальных требованиях и между ними чаще встречаешь стремление к самоотверженной деятельности, жажду подвига и томительное желание беззаветно отдать себя на служение ближним. Несмотря на тяжкое и вполне заслуженное осуждение, вызванное поведением значительного числа сестер милосердия, нельзя не отдать должной справедливости множеству русских женщин, мужественно и самоотверженно подвизавшихся на этом поприще в минуты действий, и пример недостойных является последствием некоторых условий, по которым женщины, не приспособленные и далеко не находящиеся на высоте своего призвания, поступают в сестры милосердия, ища в этом звании лучшее материальное положение при отсутствии каких-либо обетов, стесняющих свободу пользования благами светской жизни. Монастырь есть тоже учреждение, привлекающее в России массу сил. Но вследствие установившегося понятия

о монашестве, как о жизни узко эгоистической, имеющей целью спасение собственной души через подвиги поста и молитвы, оно находится в полном отчуждении от мира. Не удовлетворяя поэтому высокому христианскому стремлению русской образованной женщины отдать жизнь свою на служение ближнему, монастыри наши наполняются обыкновенно совершенно необразованными девушками из народа, между которыми немало таких, которые, сообразно с нуждами своими, не чужды искания в монашестве материального обеспечения и лучшего общественного положения. Немногие интеллигентки, попадающие по каким-либо особым причинам в монастырь, совершенно потеряны для дела просвещения общества: не подготовленные к сему, они решительно никакого воздействия на мир не имеют.

За последнее время с открытием школ при монастырях, это должно бы измениться, однако мы видим, что в большинстве монастырских школ учительницы мирские платные. Во вверенном мне Леснинском монастыре собрано наиболее интеллигентных сил. Тем не менее, образованных сестер едва хватает на работу в самом монастыре (в школах, аптеке, лечебнице, амбулаторной). Для ведения настоящего миссионерского дела их нужно несравненно больше, а между тем и эта деятельность уже стала предметом пререканий.

С самого недавнего времени по этому поводу в духовных журналах была горячая полемика. Многие еще утверждают, что монахиня не подобает общественная деятельность. Маститый издатель «Троицких Листков» преосвященный Никон, епископ Серпуховской, неоднократно высказывал в печати, что Леснинскую обитель и ей подобные обители можно признать полезными и почтенными, но называть их монастырями не должно, ибо они преследуют цели мирские, благотворительные, чуждые монашеству. Тот же святитель, по поводу статьи моей, напечатанной в Церковном вестнике, почтил меня частным письмом, в котором высказал желание, чтобы мы не назывались монахини и, признавая нашу деятельность весьма нужной, советовал ходатайствовать о восстановлении звания диаконисс, в каком звании мы могли бы без осуждения подвизаться на поприще служения миру.

Приняв с глубокой благодарностью эти указания, я занялась историческим изучением этого предмета.

Надвинувшиеся на Россию грозные события заставляют меня безотлагательно ходатайствовать о восстановлении звания диаконисс. Я глубоко убеждена, что, несмотря на строгие не менее монашеских обеты, требуемые от диаконисс, множество девушек и вдовиц откликнется на призыв к новому деятельному служению церкви и отечеству. Позволяю себе вкратце изложить главнейшие дошедшие до меня сведения о диакониссах.

Диакониссы были уже во времена апостолов. Св. апостол Павел в Послании к Римлянам (16:1–2), упоминает о некоторой Фиве, служительнице Церкви «яже в Кенхреях» по греческому тексту «*διάκονον τῆς ἐκκλησίας*», и хвалит ее за то, что она

для него и для многих других была «заступницей», по-гречески — *προστάτις*, что значит предстоятель, покровитель, т. е. указывает, что она была покровительницей христианской общины, но не в материальном смысле, так как она сама была бедная. Упоминает св. апостол Павел и о многих других женщинах, имевших служение в церкви, в той же 16-й главе, а также и в других посланиях. В Послании к Филиппийцам (4:2–3) он называет Еводию и Синтихию своими «сподвижниками» и «сотрудниками», вместе с ним, и Климентом, и прочими сотрудниками, подвизавшимися во благовествовании (*ἐν τῷ εὐαγγελίῳ*).

В последующее время о диакониссах часто упоминают и Соборы (I вселен<ский> собор, пр<авило> 19; IV вселен<ский> собор, пр<авило> 15; VI всел<енский> собор, пр<авило> 14), и отцы и учителя Церкви, и императоры в своих законах (*Novellae Iustiniani*. 3, 6, 123). В Апостольских постановлениях говорится: «В диакониссы да избирается целомудренная дева или по крайней мере вдова, бывшая за одним мужем, верующая и уважаемая» (*Const. Ar. 6. 17*). Действительное служение поручалось им не иначе, как после тщательного испытания (IV всел<енский> соб<ор>, пр<авило> 15 и *Novellae Iustiniani*. 123). Диакониссы причислялись к клиру и поставлялись через особое рукоположение (I всел<енский> соб<ор>, пр<авило> 19). В 15 правиле IV всел<енского> собора посвящение диаконисс именно называется рукоположением (*χειροτονία* и *χειροθεσία*). Правило это говорит, что принявшая рукоположение и пробывшая некоторое время в «служении» (*τῆς λειτουργίας*), если вступит в брак, то подвергается «анафеме», как оскорбившая благодать Божию (*τὴν τοῦ θεοῦ χάριν*), а равно и тот, кто женится на ней. В 44 правиле св. Василия читаем мы: «Мы телу диакониссы, как освященному, не позволяем более быть в плотском употреблении» (*Basil. Magn. Ep. 44*). Плотской грех с нею называется в этом правиле святотатством. Очевидно из этих правил, что рукоположение диаконисс не почиталось Св. Церковью простым благословением, а было священнодействием. По этой причине 19 прав<ило> I вселен<ского> соб<ора> различает между рукоположенными диакониссами и девами, которые обещали соблюдать чистоту и носили по благословию епископа одеяние посвященных Богу (ср. Правила 6, 47, 140 Карфагенского собора)¹. Таких дев, называемых иногда диакониссами и принимаемых за таковых по одеянию, но не имеющих еще рукоположения, сие правило повелевает причислять к мирянам (см. греч. текст 19 прав<ила> I вселен<ского> соб<ора> и толкование на это правило Зонары). В Апостольских постановлениях (*Const. Ar. 8. 19, 20*) повелевается епископу возлагать на диакониссу руки в предстоянии пресвитерства, диаконов, диаконисс и приводится сама молитва, которую при этом читал рукополагавший: «Боже, Вечный,

1. См., напр., издание: Правила Святого Поместного собора Карфагенского // Правила Святых Поместных соборов с толкованиями. Москва : Паломник : Сибирская благовонница, 2000. С. 359–760. С. 386, 495–496, 740. — *Прим. ред.*

Отче Господа Нашего Иисуса Христа! Мужа и жены Создателю, Исполнивший Духа Мариам, Деворру, Анну и Олдану, почтливый Жену рождением Единородного Сына Твоего, Иже в скинии свидетельства и в храм Избравый жены стражи Святых врат Твоих, Сам и ныне призри на рабу Твою сию, избранную в служение и даждь ей Духа Святаго и очисти ю от всякия скверны плоти и духа, ко еже достойно совершати врученное ей дело в славу Твою и в похвалу Христа Твоего с Ним же Тебе слава и поклонение и Святому Духу во веки. Аминь»².

Число диакоניсс при Церкви иногда было довольно значительно, так при императорах Юстиниане и Ираклии при великой Церкви в Константинополе их было до 40 (прав<ило> 15 IV Всел<енского> соб<ора>). VI Всел<енский> соб<ор> (14, 40) требует, чтобы в диаконисы поставлялись имеющие не менее 40 лет, но делались исключения, если твердость в вере и жизнь по заповедям Христа в них были несомненны, так, напр<имер>, церковный историк Созомен свидетельствует, что известная диаконисса Олимпиада была рукоположена Нектарием, архиепископом Константинопольским, будучи еще молодою вдовою, потому что она ревностно любомудрствовала, согласно с чиноположением Церкви (Созомен. Церковная история. VIII. 9)³. Обязанности диаконисс были следующие: они приготавливали женщин к крещению, поучая их начальным истинам христианской веры и наставляя как относительно действий и ответов при крещении, так и относительно поведения после крещения, помогали при самом совершении Крещения — они должны были здоровою речью поучать неопытных и необразованных женщин (прав<ило> 12 так наз<ываемого> IV Карфаг<енского> собора)⁴. Блаженный Иероним это называет служением слова, которое проходили диаконисы в восточных церквях (Толк<ование> на посл<ание> к римлянам 16, 1). В Апостольских постановлениях говорится, чтобы диаконисы помазывали св. елеем женщин перед крещением (Const. Ap. 3. 15).

В греческих церквях диаконисы стояли при входе женщин в храм и наблюдали за их поведением во время Богослужения, почему и называются иногда «стражами св. врат». Диаконисы исполняли разные поручения епископа, касавшиеся жен точно так же, как диаконы исполняли их поручения, касавшиеся мужчин: посещали больных и впавших в несчастья и передавали женам разные распоряжения епископа (Const. Ap. 3. 15). Чин диаконисс сохранялся дольше всего в Греческой церкви. Он существовал в ней до конца 12-го века, между тем как в 6-м веке Латинская церковь его упразднила. Знаменитый канонист Феодор Вальсамон, патриарх Александрийский, писавший в самом конце XII века, говорит в толковании

2. Const. Ap. 8. 20. — *Прим. ред.*

3. См., напр.: Ермий Созомен Саламинский. Церковная история. Книга 8. Глава 9. 1851. Санкт-Петербург: Типография Фишера. С. 565. — *Прим. ред.*

4. См. Concilium Carthaginense Quartum, can. XII: "Vidnae vel sanctimonialia quae ad ministerium

baptizandarum mulierum eliguntur, instructae sint ad officium, ut possint aperto et sano sermone docere, imperitas et rusticas mulieres tempore quo baptizandae sunt, qualiter baptizatori ad interrogata respondeant, et qualiter accepto baptismate vivant". (Patrologiae cursus completus: Series Latina. V. 84. Col. 201). — *Прим. ред.*

на 15-е правило IV вселен<ского> собора, что в его время уже «не рукополагают диаконисс, хотя некоторые подвижницы *не в собственном смысле* и называются диакониссами». При этом он делает указание, что упразднению в церковной жизни этого служения содействовало строго-буквальное соблюдение правила, определявшего, чтобы женщины не входили в святой алтарь. «Та, которая не может входить в святой алтарь, каким образом будет исполнять обязанности диаконов?» — замечает он. Замечание очень ценное, оно показывает, что Вальсамон, «светило правовередения», приравнял служение диаконисс к служению диаконов. Однако, прав<ило> 44 Лаодик<ийского> собора, которое содержит указанное запрещение, гласит только следующее: «Не подобает жене в алтарь входить». И ниоткуда не видно, чтобы оно значило более, чем что потом определено в правиле 69 VI всел<енского> собора: «Никому из всех, принадлежащих к разряду мирян, да не будет позволено входить внутрь священного алтаря». Диаконисса же, как известно, принадлежала не к разряду мирян, а к разряду клира. Как уже выяснено, в диакониссы посвящались лица, испытанные в нравственности и благочестии и для своего времени образованные, начитанные в Священном писании и способные обучать истинам веры. И в наше время не только нужно поставлять диакониссами лиц с образовательным цензом не ниже среднего учебного заведения, но необходимо, чтобы они проходили еще курсы богословских наук в специальном заведении. Такое училище богословия для диаконисс и предполагается основать при Леснинском монастыре. Устав и программу Училища я своевременно предоставил на утверждение. Что же касается средств, необходимых для него, то лица, сочувствующие идее восстановления звания диаконисс, готовы материально содействовать ее осуществлению. Говоря в начале этой записки, что просветительная деятельность клира должна распространяться и на образованные классы, среди которых, к сожалению, нередко встречаешь полнейшее невежество по отношению к Церкви и религии, — я, между прочим, имела в виду неоднократные жалобы родителей на то, что нет религиозных и богословски образованных женщин, которых можно было бы приглашать в семьи, поручая им религиозно-нравственное воспитание детей. Памятуя о том, что в противоположность учреждениям человеческим, с течением времени совершенствующимся, Церковь, как учреждение Божественное, является тем совершеннее, чем к своему возникновению, я ходатайствую перед Святейшим Синодом об основании при Леснинской Обители Общины диаконисс с присущими этому званию правами и обязанностями, согласно возможно древнейшему чину, дабы важностью возложенного на них служения и строгостью обетов, диакониссы находились на высоте той просветительской миссии, которую им надлежит исполнить и которая так необходима в наше время всеобщего шатания.

Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).
Ф. 796 (Канцелярия синода). Д. 340. Л. 1–8 об.

Рис. 1. Портрет игум. Екатерины (Ефимовской) в 90-е годы XIX в.

Рис. 2. Группа учительниц церковно-приходских школ Холмско-Варшавской епархии, бывших на курсах при Леснинском монастыре в июле-августе 1903 г. Фотография М. Ф. Богданова [Памятка, 30]

Рис. 3. Вид Монастыря с Юго-Западной стороны из Монастырского сада.
Фотография Ковальского [Памятка, 4]

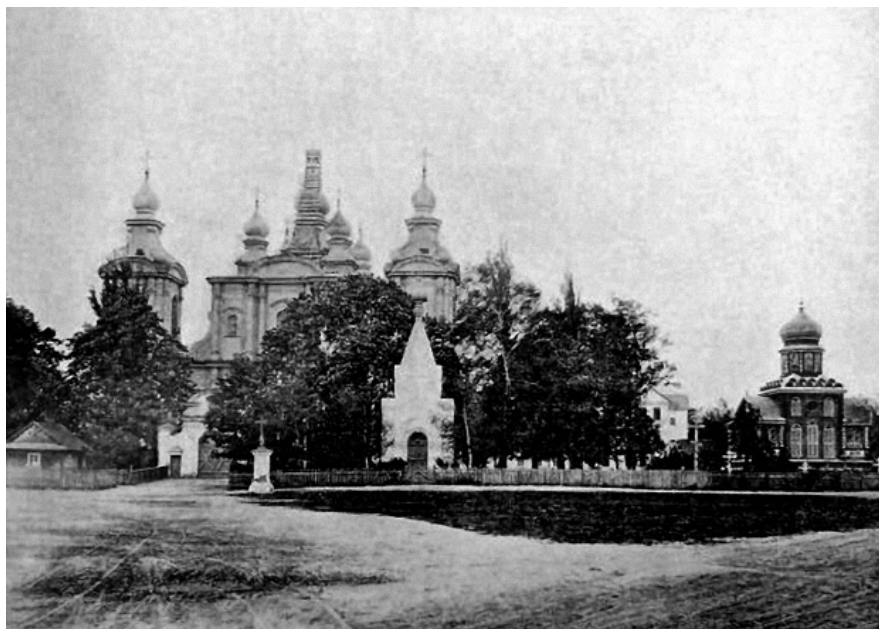

Рис. 4. Общий вид Леснинского женского Монастыря при въезде в село Лесна от г. Белы.
Фотография М. Ф. Богданова [Памятка, 2]

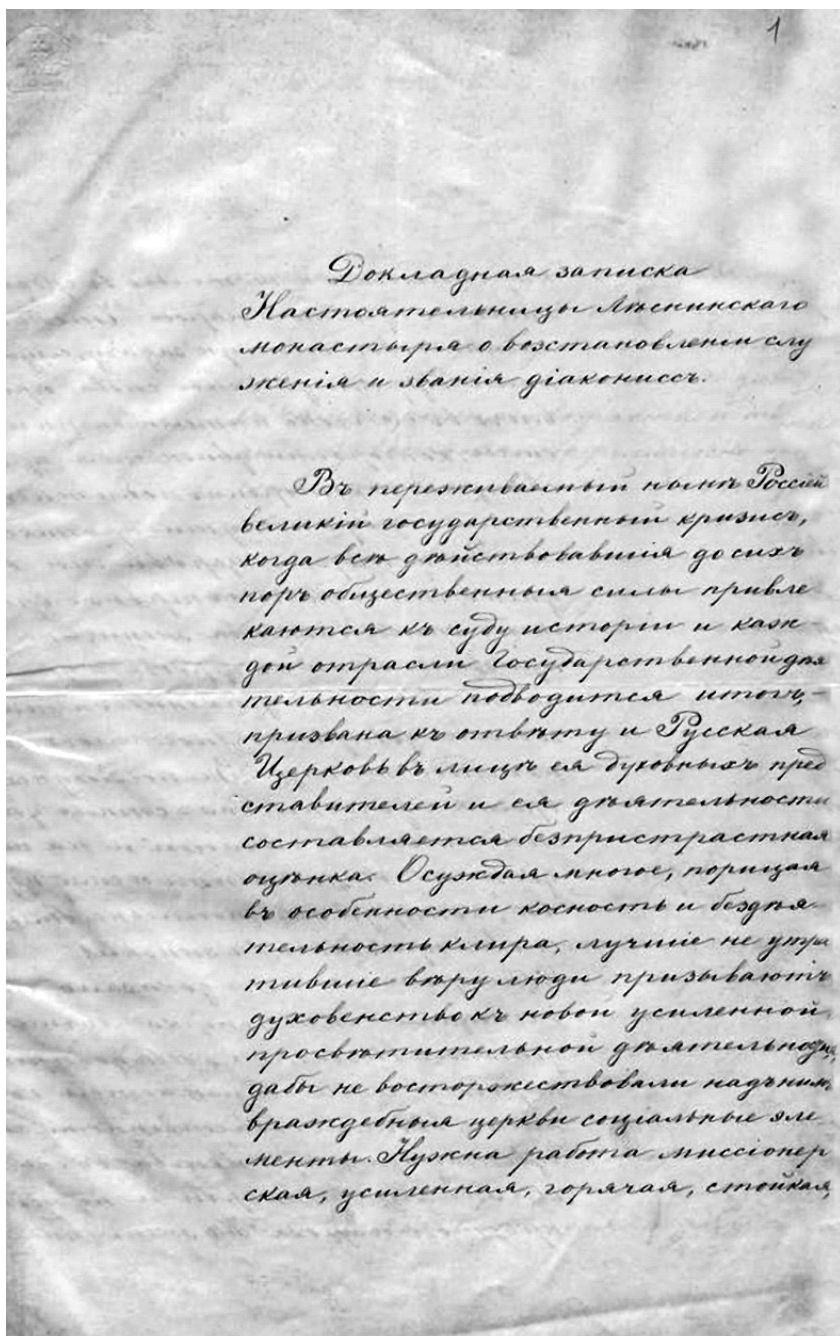

Рис. 5. Докладная записка Настоятельницы Леснинского женского монастыря о восстановлении служения и звания диакониссы, 1905 г. [Докладная записка, 1]

Список сокращений

Basil. Magn. Ep	Василий Великий. Письма
Const. Ap.	Апостольские постановления
Novellae Iustiniani	Новеллы Юстиниана

Источники

1. *Диакониссы первых веков христианства* = Екатерина (Ефимовская), игум. *Диакониссы первых веков христианства*. Сергиев Посад. 1909. 50 с.
2. *Докладная записка* = Докладная записка Настоятельницы Леснинского женского монастыря о восстановлении служения и звания диаконисс, 1905 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 340. Л. 1–8 об.
3. *Журналы и протоколы* = Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Т. 4. Отд. IV. Санкт-Петербург, 1907. 793 с.
4. *Монастырь и христианский аскетизм* = Екатерина (Ефимовская), игум. *Монастырь и христианский аскетизм*. Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева. 1904. 15 с.
5. *О диакониссах* = Екатерина (Ефимовская), игум. *О диакониссах* // Прибавление к Церковным ведомостям. Санкт-Петербург. 1908. № 15–16. С. 728–729.
6. *Олесевиц* = Олесевич С. *Леснинский женский монастырь (его история и церковно-общественное значение)*. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 172. Московская духовная академия. К. 325. № 6/5104. Л. 1–117.
7. *Ответ на письмо Свенцицкому* = Екатерина (Ефимовская), игум. *Ответ на письмо Свенцицкому самому себе* // Христианин. 1907. № 10. С. 385–389.
8. *Отчет* = Отчет о деятельности высочайше утвержденного 4-го апреля 1881 года Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1904 г. (двадцать четвертый год существования Общества). Санкт-Петербург : Синод. Тип., 1905.
9. *Памятка* = *Памятка о Леснинском первоклассном женском Св. Богородицком монастыре* // Сост. М. Ф. Богданов. Варшава : Т-во Оргельбранда сыновей, 1904. 5 с., 30 л.

Литература/References

1. *Балакшина* = Балакшина Ю. В. *Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников, 1903–1907): Документальная история и культурный контекст*. Москва : Свято-Филаретовский институт, 2014. 424 с.

- Balakshina Iu. V. (2014). *Bratstvo revnitelei tserkovnogo obnoveniia (grupa '32-h' peterburgskikh sviashchennikov), 1903–1907. Dokumental'naia istoriia i kul'turnyi kontekst* [Brotherhood of zealots for church renewal (a group of '32' St. Petersburg priests), 1903–1907. Documentary history and cultural context]. Moscow : SFI Publ., pp. 217–412 (in Russian).
2. *Белякова = Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни.* Москва : Духовная библиотека, 2004. 663 с.
Beliakova E. V. (2004). *Tserkovnyi sud i problemy tserkovnoi zhizni* [Church court and problems of church life]. Moscow : Dukhovnaia biblioteka Press (in Russian).
 3. *Белякова, Емченко = Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика.* Москва : Кучково поле, 2011. 704 с.
Beliakova N. A., Emchenko E. B. (2011). *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiiskaia praktika* [Woman in Orthodoxy: Church Law and Russian Practice]. Moscow : Kuchkovo pole (in Russian).
 4. *Белякова, Шок = Белякова Н. А., Шок Н. П. Ускользящая женская субъектность в Российской Империи второй половины XIX — начала XX вв. : социально-медицинские практики женских религиозных общин // Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2021. Вып. 2 (100).
Belyakova N., Shock N. (2021). “Elusive Female Subjectivity in the Russian Empire in the Second Half of the 19th — early 20th Centuries: Socio-Medical Practices of Women’s Religious Communities”. *Istoriya*, 2021, v. 12, iss. 2 (100), <https://doi.org/10.18254/S207987840013764-9>.
 5. *Евлогий (Георгиевский) = Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной.* Москва : Моск. Рабочий : Издат. отдел Всецерковного правосл. молодежн. Движения, 1994. 621 с. (Материалы по истории церкви; кн. 3).
Evlogii (Georgievskii), metr. (1994). *Put' moei zhizni. Vospominaniia mitropolita Evlogiia (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi* [The path of my life. Memoirs of Metropolitan Evlogy (Georgievsky), set out according to his stories by T. Manukhina]. Moscow : Mosk. Rabochii : Izdat. otdel Vsetserkovnogo pravosl. molodezhn. Dvizeniia (Materialy po istorii tserkvi; book 3) (in Russian).
 6. *Зернова = Зернова М. М. Монахини Хоповского монастыря // За рубежом : Белград — Париж — Оксфорд (Хроника семьи Зерновых, 1921–1972) / Под ред. Н. М. и М. В. Зерновых.* Paris : YMCA-press, 1973. С. 78–85.

- Zernova M. M. (1973). "Nuns of the Khopovsky Monastery", in *Za rubezhom : Belgrad — Parizh — Oksford (Khronika sem'i Zernovykh, 1921–1972)* [Abroad : Belgrade — Paris — Oxford (Chronicle of the Zernov family, 1921–1972)], Paris : YMCA-press, 1973, pp. 78–85 (in Russian).
7. Знаменский Феодор, прот. (1906). Диакониссы древней церкви // Прибавление к церковным ведомостям. 1906. № 16. С. 895–899.
Znamenskii Feodor, archpriest (1906). "Deaconesses of the ancient church". *Pribavlenie k Tserkovnym Vedomostiam*, 1906, n. 16, pp. 895–899 (in Russian).
8. Клементьев = Клементьев А. К. Материалы к истории Свято-Богородицкого Леснинского женского монастыря за первый период его пребывания на территории Королевства С. Х. С. (от переезда до кончины игуменьи Екатерины: 1920–1925 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 2(14). С. 141–202.
Klement'ev A. K. (2016). "Materials on the history of the Holy Mother of God Lesninsky Convent for the first period of its stay on the territory of the Kingdom of S.Kh.S. (From the move to the death of Abbess Catherine: 1920–1925)". *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 2016, iss. 2(14), pp. 141–202 (in Russian).
9. Маевский = Маевский В. А. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973. 192 с.
Maevskii V. A. (1973). *Sviato-Bogoroditskii Lesninskii monastyr'* [Holy Mother of God Lesninsky Monastery]. Madrid (in Russian).
10. Попов = Попов Михаил, прот. О приходском братстве // Архангельские епархиальные ведомости. 1900. 15 августа. № 15. С. 390–400; 30 августа. № 16. С. 413–420.
Popov Mikhail, archpriest. (1900). "About the parish brotherhood". *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1900. 15 august, n. 15, pp. 390–400; 30 august, n. 16, pp. 413–420 (in Russian).
11. Постернак = Постернак Андрей, свящ. (2013). Служение женщин в Древней Церкви // Служение женщин в церкви : Исследования. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2013. 518 с.
Posternak Andrey, priest (2013). "Ministry of Women in the Ancient Church", in *Sluzhenie zhenshchin v tserkvi : Issledovaniia* [Ministry of Women in the Church: Research]. Moscow : PSTGU Press (in Russian).
12. Постернак, Баконина = Постернак Андрей, свящ., Баконина С. Н. Предисловие // Служение женщин в церкви : Исследования. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 4–24.
Posternak Andrey, priest, Bakonina S. N. (2013). "Foreword", in *Sluzhenie zhenshchin v tserkvi : Issledovaniia* [Ministry of Women in the Church: Research]. Moscow : PSTGU Press, pp. 4–24 (in Russian).

13. *Постернак, Иноземцева, Козловцева* = Постернак Андрей, свящ., Иноземцева Н. А., Козловцева Е. Н. К вопросу о присвоении звания диаконисс сестрам Марфо-Мариинской обители милосердия // Служение женщин в церкви : Исследования. Москва : Изд. ПСТГУ, 2013. С. 448–463.
Posternak Andrey, priest, Inozemtseva N. A., Kozlovtsseva E. N. (2013). “K voprosu o prisvoenii zvaniia diakoniss sestram Marfo-Mariinskoi obiteli miloserdiia”, in *Sluzhenie zhenshchin v tserkvi : Issledovaniia* [Ministry of Women in the Church: Research]. Moscow : PSTGU Press, pp. 448–463 (in Russian).
14. *Справочник* = Общины сестёр милосердия Российской империи в 1844–1917 гг. : энциклопедический справочник. Москва : ПСТГУ, 2019. 607 с.
The communities of the Sisters of Mercy of the Russian Empire in 1844–1917 : an encyclopedic reference book. Moscow : Publishing House of PSU, 2019.
15. *Тареев* = Тареев М. М. Основы христианства : В 5 т. Т. 5 : Религиозная жизнь. Сергиев Посад : Тип. Св.-Гр. Сергиевой лавры. 1910. 281 с.
Tareev M. M. (1910). *Religioznaia zhizn'* [Religious life] : In 5 v., v. 5. Sergiev Posad : Sv.-Tr. Sergieva lavra Press (in Russian).
16. *Троицкий* = Троицкий С. В. Диакониссы в Русской Церкви // Служение женщин в церкви : Исследования. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 299–333.
Troitskii S. V. (2013). “Deaconesses in the Russian Church”, in *Sluzhenie zhenshchin v tserkvi : Issledovaniia* [Ministry of Women in the Church: Research]. Moscow : PSTGU Press, pp. 299–333 (in Russian).
17. *Успенский* = Успенский Владимир, свящ. К вопросу о восстановлении чина диаконисс // Прибавление к церковным ведомостям. 1908. № 7. С. 331–332.
Uspensky Vladimir, priest (1908). “On the issue of restoring the rank of deaconess”. *Pribavlenie k Tserkovnym vedomostiam*, 1908, n. 7, pp. 331–332 (in Russian).
18. *Фудель Иосиф*, свящ. Наше дело в Северо-Западном крае. Москва : Унив. тип., 1893. 39 с.
Fudel Iosif, priest (1893). *Nashe delo v Severo-Zapadnom krae* [Our business in the Northwest Territory]. Moscow : Univ. Press (in Russian).

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 07.11.2022